

ШВЕДСКИЙ ЗАТОР (По поводу выборов-2018)

© 2019 г. И. Гришин

*ГРИШИН Игорь Владимирович, кандидат экономических наук,
ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (i.grishin@inbox.ru).*

Статья поступила в редакцию 06.11.2018.

Среди многочисленных эффектов волны инокультурной иммиграции в Европе — происходящие вследствие нарастания противостоящих этому явлению сил деформация или даже кризис традиционных страновых партийно-политических систем и вытекающее отсюда серьезное осложнение отправления законодательной и исполнительной власти. Упомянутые силы часто именуют популистскими и анти-системными. Швеция, еще недавно отличавшаяся стабильностью партийного спектра и беспроблемным преемством правления, — пожалуй, один из наиболее показательных тому примеров. Особенно в свете парламентских выборов 9 сентября 2018 г. В их итоге партийно-политическая конфигурация нового риксдага образовала на пути формирования правительства труднопреодолимую пробку, выбраться из которой удалось лишь после длительного межпартийного маневрирования. И это — не случайность. Это — сильный рецидив сбоя в механизме поддержания управления.

Ключевые слова: Швеция, риксдаг, построение парламентских коалиций, инокультурная иммиграция, Шведские демократы, деформация партийно-политической системы, парламентские выборы, формирование правительства.

DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-3-30-39

В результате парламентских выборов 2018 г. в Швеции сложилась редкая, если не уникальная, для западных демократий ситуация, хотя начало ее формирования относится к 2010 г.¹ Уже тогда в риксдаге появилась партия, нарушившая устоявшееся его деление на два сопоставимых партийных блока, многие десятилетия обособленных идейно и почти “нерушимых” — без перехода партий из одного в другой (о двух исключениях — ниже). Выборы 2014 г. принесли “новичку” (правопопулистским Шведским демократам, или шведодемократам — ШД) третье место по числу депутатов среди восьми партий парламента, и он уже реально мог определять исход соперничества блоков. Драматизм такому раскладу сил придавало то, что все “старые” партии априори и категорически отвергли взаимодействие с ним из-за его “нацистских корней” и неприемлемости его идейно-политических установок — этнонационализм, резкое сокращение инокультурной иммиграции, антиглобализм, отвержение надгосударственных институтов.

Во избежание зависимости от “нечестивых” голосов между блоками было заключено Декабрьское соглашение (2014 г.), позволившее избежать досрочных выборов и функционировать правительству меньшинства, созданному преобладающим блоком. Выборы 2018 г. ослабили позиции

ведущих партий блоков (социал-демократов и модераторов/консерваторов) и значительно укрепили позиции шведодемократов; упомянутая межблоковая договоренность еще ранее утратила действенность. У левого центра лишь на одного депутата больше, чем у правого, и оба заявили претензии на формирование кабинета. Вместе с тем лидеры и того и другого перед лицом принципиально изменившегося положения признали неизбежность сотрудничества поверх блоков. Всем было ясно, что потребуются немалое время для выхода из образовавшегося затора. Анализу этих перипетий и вызвавшего их глубокого сдвига в раскладе партийно-политических сил посвящена настоящая статья.

ДЕФОРМАЦИЯ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ, ИЛИ ТУПИКОВАЯ “НОВАЯ НОРМАЛЬНОСТЬ”

Казалось бы, заботы и тревоги партийных деятелей в демократическом государстве связаны главным образом с достижением успеха на парламентских (иногда и президентских) выборах. Однако становится все более очевидным, что электоральные козыри сами по себе еще не предрешают исхода игры вокруг дележа властного пирога. Усложнение партийно-политических систем, появление в них новых акторов и смена долго существовавшей однолинейной шкалы упорядочения партийных ориентаций “левые—правые” многомерной и в то

¹ Настоящая статья — своего рода сиквел авторских публикаций в “МЭ и МО”: № 3 за 2011 г., № 2 и 5 за 2015 г. Помимо источников, указанных в Списке литературы, использованы шведские Википедия, сайты партий и телевидения.

же время переменчивой делает формирование исполнительной власти труднорешаемой проблемой. И нынешние шведские политические деятели могут завидовать своим недавним и тем более относительно давним предшественникам при реализации этой функции. Наверное, завидовать сильно, если былое и нынешнее сопоставлять на историческом фоне других “старокапиталистических” стран, социально-политическая жизнь в которых протекала далеко не так спокойно, как в Швеции.

С начала 40-х по конец 80-х годов (почти полвека!) пятерка парламентских партий Швеции и их расстановка на политическом поле были неизменными: две “рабочие” (социал-демократы и коммунисты) и три “буржуазные” (переменчивые названия здесь не важны). Редкие победы последних на выборах (1976 и 1979 гг.) принципиально не затрудняли смену кабинета министров (как и в 1991 г.). После небольших “добавок-отбавок” в партийный состав риксдага на рубеже 80–90-х годов, он стал семипартийным (см. таблицу, 2006 г.), что мало — вследствие сохранения его деления на два блока (центра) — повлияло на практику послевыборной передачи/сохранения исполнительной власти.

Окончание парламентской семипартийности с появлением ШД открыло дорогу последующей реконфигурации/реконстелляции расклада сил в риксдаге и партийно-политической системы в целом. Вся масштабность и глубину перемен текущего десятилетия наглядно демонстрирует таблица, которая красноречива сама по себе. Отметим лишь, что на последних выборах наибольшие потери понесли, помимо зеленых, партии — лидеры двух блоков, то есть социал-демократы и умеренные. На этом фоне укрепление положения ШД выглядит еще более впечатляющим, хотя их сверхоптимистические ожидания, подогревавшиеся высокими для них показателями предвыборных опросов², не оправдались.

По итогам выборов 2014 и 2018 гг. фракция ШД стала третьей, сейчас она многочисленнее, чем у зеленых, либералов и христианских демократов (ХДП) вместе взятых. Причины подъема подобного рода партий в Европе проанализированы, в частности, Г. Вайнштейном [4]. К специфически шведским факторам следует отнести недооценку политическим истеблишментом объективной составляющей этого подъема, которая во многом возрастала из его иммиграционной политики. Плюс уклонение “старых” партий от полемики с ШД (см. ниже). По этому поводу шведский писатель

Хеннинг Манкелл вслед за выборами 2010 г. отмечал, что это — совершенно ошибочная и контрпродуктивная стратегия. Единственный способ отношений с носителями расистских, ксенофобских и вообще популистских взглядов — решительный диалог. Нельзя блокировать реакционные голоса молчанием. Необходимо полемизировать с ними до упора. Уважение к 300 тыс. человек, проголосовавших за новую парламентскую партию, требует, чтобы необходимость диалога была признана до того, резюмировал писатель, как их станет в два или три раза больше [5]. Как в воду глядел. Их стало больше в 3.3 раза.

Помимо беспрецедентного для Швеции скоростного восхождения на политический олимп ШД, другая важная характеристика трансформации ее партийной системы с середины-конца нулевых годов — продолжающееся снижение популярности социал-демократии. В электорально-статистическом выражении оно составило за 2006–2018 гг. почти 1/5 — уменьшение избирательного корпуса партии с 35 до 28.3%, которые являются для партии самым низким показателем после введения всеобщего избирательного права в стране (1921 г.)³. Некогда самая влиятельная на национальном уровне партия Социал-демократии уступает теперь эту позицию английским и португальским коллегам. Ослабление социал-демократии — относительно давняя мировая тенденция, но с середины 10-х годов в ряде европейских стран последняя обрела новый импульс, обусловленный растущим отторжением автохтонным населением инокультурной иммиграции и недовольством связанной с ней государственной политикой. Швеция вполне может быть отнесена к их числу.

Примечательна в этом аспекте трактовка неудачи СДРПШ на выборах 2018 г. одним из идеологов и авторов программ СДРПШ 70–90-х годов Анной-Марией Линдгрэн⁴, традиционно видящей социально-экономическую сферу как неоспоримо главнейший детерминант настроений избирателей. Особенно в таких ее институтах, как рынок труда и социальное страхование. Она расценивает голосование за ШД как протестное со стороны лиц, “видящих для себя угрозу в сегодняшнем общественном развитии” и связывающих ее с глобализацией, которая для “части рабочего класса” означает свертывание социальных гарантий. И вот тут, по мысли Линдгрэн, происходит смыкание рессентимента этих лиц и этой части с антиглобализмом и антисистемностью ШД.

² По данным некоторых компаний, проводящих опросы общественного мнения, в предшествующие выборы месяцы за ШД собирались голосовать 21–26% респондентов. Тогда и ранее рейтинг партии иногда был самым высоким [1]. Поэтому полученные ШД 17.5% вызвали у части шведов вздох облегчения.

³ На выборах 1932–1994 гг. только один раз СДРПШ получила менее 40% (1991 г.), после 1994 г. — ни разу более этой цифры.

⁴ Она — также главный редактор еженедельника *Aktuellt i politiken*, в котором размещена рассматриваемая публикация.

В принципе подобное объяснение не лишено логичности; представляется, что все это — правда, но вся ли? ... Изложенным здесь конспективно суждениям Линдгрена предшествуют ее слова: согласно стандартному толкованию, правопопулистские партии являются антииммигрантскими и националистическими — это одна половина правды [6]. Ее-то экс-идеолог СДРПШ решает не баловать вниманием и сразу переходит к другой, уже сжато пересказанной. Другими словами, вопрос о том, почему в первой своей ипостаси (антииммиграционизм и национализм) ШД стали привлекательны для каждого шестого, не только остается без ответа, он толком и не ставится.

Наверное, здесь действует стокгольмский синдром № 2, который можно определить как сочувствие инокультурным иммигрантам, доходящее до оправдания всех их действий объективными обстоятельствами и готовности принести немалые жертвы ради “общей” цели и поддержания реноме страны как гуманитарной сверхдержавы. С точки зрения политической повседневности его (синдрома) сверхкраткая и упрощенная суть в том, что сам дискурс о плюсах и минусах иммиграции, тем более инокультурной, есть если не фашизм и расизм, то нечто, льющее воду на мельницу их пособников. И в этом отношении политическая культура в Швеции отлична от таковой в соседних странах — Дании, Норвегии и Финляндии, в которых родственные ШД партии отнюдь не окружены стеной неприязни (см. ниже).

Думается, одна из главных (если не главная) причин сдачи электоральных позиций СДРПШ шведодемократам состоит в недостаточном осознании ею *самостоятельной* значимости поставленных ими проблем, относительно малой связи последних с привычными, традиционно понимаемыми социально-экономическими факторами. Конечно, обнаруживается какая-то прямая корреляция антииммигрантских настроений с житейской малоустроенностью, но она незначительна. Гораздо явственнее эта корреляция выражена территориально: именно южные провинции, где концентрируются выходцы из Азии и Африки, дали ШД высокие показатели поддержки. И это подтверждает ошибочность уклонения социал-демократов от поиска ответов на качественно новые, не социально-экономического характера вызовы — вызовы, сопряженные прежде всего с возрастающими в условиях наступления инокультурности трудностями поддержания правопорядка и соблюдения сложившихся неписаных норм общежития.

Электоральное фиаско социал-демократов, исторически беспрецедентное падение их рейтинга — новый аргумент, подтверждающий тезис об утрате ими доминантной позиции в шведской по-

литике. Наряду с государствообразующей ролью СДРПШ, канули в Лету и супермногочисленность рядов как ее самой, так и ее профсоюзной опоры — Центрального объединения профсоюзов Швеции (ЦОПШ)⁵. Но и в нашем веке фиксируется “усыхание” обеих организаций: первой — со 177 тыс. членов в 1999 г. до 89 тыс. в 2017 г., второй — на 200 тыс. только за 2008–2010 гг. К тому же, если в золотые времена социал-демократии за нее голосовали около 90% членов ЦОПШ, то на последних выборах всего 41%. Еще один немаловажный индикатор увядания партии и неблагоприятности ее перспектив — повышение среднего возраста ее членов, достигшего 63 лет. И в то же время падает популярность партии в среде будущих избирателей — старших школьников. Согласно опросам, в 2014 г. СДРПШ “выбрал” каждый четвертый из них, в 2018 г. — каждый пятый [7].

Конечно, снижение численности партий и профсоюзов — общий признак динамики западных систем. Но “обвал” шведской социал-демократии, включая ее профсоюзное крыло, вероятно, не имеет равного по значимости аналога. К тому же отнюдь не все политические партии Швеции теряют членов. Электоральному продвижению ШД сопутствует расширение ее рядов. Сегодня в них — 30 тыс. человек, в пять с лишним раз больше, чем в 2011 г. Примечательно также то, что на выборах 2018 г. партию поддержали почти четверть лиц, входящих в ЦОПШ.

Может показаться парадоксальным, но заявляет об удвоении своей массовости до 25 тыс. членов с 2012 г. бывшая коммунистическая, ныне Левая партия. Названная цифра — самая высокая для нее за последние 50 лет. Учитывая успех партии на последних выборах (табл.), можно говорить еще об одном усиливающемся акторе на политической сцене страны. При этом указанное усиление, есть основания полагать, стало возможным вследствие отхода от СДРПШ некоторой части ее сторонников, недовольных поправлением ее политики, отступлением от социал-реформистского курса, проводимого до 90-х годов, лозунги которого переняла Левая партия.

Вместе с тем некоторые партии пребывают в последние годы на грани “депарламентизации”, непреодоления на выборах в риксдаг 4%-го барьера. Так, в конце 2017 г. “не брали” его зеленые, а рейтинг ХДП большую часть межвыборного периода 2014–2017 гг. был непроходным. Опросы выявляют тенденцию вообще к переменчивости популярности партий, что также свидетельствует

⁵ На пике своей мощи партия насчитывала (главным образом благодаря коллективному членству, отмененному с 1991 г.) 1.2 млн членов (1979 г.), а Объединение — 2.2 млн (1990 г.).

Таблица. Доля голосов, поданных за партии на парламентских выборах, % и количество мандатов¹, полученных ими (в скобках)

Партии	2006	2010	2014	2018
Левый центр, всего	46.1 (171)	43.6 (156)	43.6 (159)	40.6 (144)
Социал-демократическая	35.0 (130)	30.7 (112)	31.0 (113)	28.3 (100)
Левая	5.9 (22)	5.6 (19)	5.7 (21)	8.0 (28)
Партия зеленых	5.2 (19)	7.3 (25)	6.9 (25)	4.4 (16)
Правый центр, всего	48.2 (178)	49.3 (173)	39.4 (141)	40.3 (143)
Умеренная/модераты	26.2 (97)	30.1 (107)	23.3 (84)	19.8 (70)
Партия центра	7.9 (29)	6.6 (23)	6.1 (22)	8.6 (31)
Либеральная	7.5 (28)	7.1 (24)	5.4 (19)	5.5 (20)
Христианско-демократическая	6.6 (24)	5.6 (19)	4.6 (16)	6.3 (22)
Шведодемократы	2.9 (0)	5.7 (20)	12.9 (49)	17.5 (62)
Явка избирателей, %	82.0	84.6	85.8	87.2

¹ Всего – 349.

Составлено по: [2; 3].

о дальнейшей дестабилизации партийно-политического пространства.

Таким образом, в результате комбинированного действия старых, сохраняющих силу еще с 80-х годов, факторов и новых, громко заявивших о себе в самые последние годы, партийно-политическая система Швеции оказалась существенно деформирована. Появление и закрепление в парламенте ШД, их кингмейкерское место между партийными блоками, серьезное ослабление позиций СДРПШ и в риксдаге, и в обществе в целом, а также серьезные неудачи на двух последних выборах модератов – все это подвело к грани дисфункции десятилетиями устоявшийся порядок преемства и отправления законодательной и исполнительной власти. Образовавшаяся политическая “новая нормальность” оказалась тупиковой. Какие-то выходы из сложившейся ситуации находить трудно, но возможно. Но не будут ли они кратковременными; не станет ли министерская чехарда, десятилетиями не знакомая шведам, их уделом?

ШВЕДОДЕМОКРАТЫ: ТАК ЛИ СТРАШЕН ЧЕРТ

Описанные перемены в большей (главным образом) или меньшей степени, так или иначе связаны с вызывающей разноречивые оценки и нарастающие споры партией ШД, поскольку перспектива взаимодействия с ней все более представляется реальной. Посему картина выборов и всего партийно-политического ландшафта была бы ущербной без развернутой характеристики нового важного актора и попытки уяснить его место и вероятные перспективы в сегодняшнем шведском обществе.

ШД относятся к категории правопопулистских партий, родственных французскому Национальному фронту⁶, Альтернативе для Германии,

⁶ С июня 2018 г. – Национальное объединение (*Rassemblement national*).

австрийской Партии свободы, Партии независимости Соединенного Королевства и ряду других. Их основными общими признаками для Европы считаются антииммиграционизм (антиисламизм) и евроскептицизм; другие характеристики либо производны от названных, либо присущи им в разной мере. Эти партии могут классифицироваться и как антисистемные, причем в эту категорию включаются и левопопулистские партии, к коим причисляют такие “добропорядочные”, как Левый союз (Финляндия) и Левая партия (Швеция)⁷ [8]. Вероятно, правильно будет говорить о несистемных партиях, хотя и здесь непросто провести разграничения. Та же шведская Левая партия не одно десятилетие обеспечивала парламентское большинство социал-демократическим кабинетам. Некоторые партии, причисляемые к антисистемным, входили или входят в правительства. Но вряд ли их можно поставить на одну доску с реально антисистемной компартией Чехословакии, в 1945–1948 гг. возглавлявшей исполнительную власть и нацеленной на замену одной *общественной* системы на другую. Словом, приложение понятия антисистемности к партиям, подобным ШД, представляется вводящим в заблуждение.

⁷ Согласно противоположной точке зрения, даже большинство компартий (а только что указанные две организации выросли из компартий) после 1945 г., по существу, не были антисистемными [9]. Кроме того, и это отнюдь не маловажно, нужно учитывать коннотацию термина/слова “антисистемный” в русском языке. Если в английском языке *social system = establishment/истеблишмент* = доминантная группа = элита, то в русском “система” – это основы общественного устройства (в СССР – “общенародная собственность”, плановое хозяйство / отсутствие рынка, “ведущая роль партии” и т.п.). Поэтому “антисистемный” звучало у нас как антисоциалистический, ибо систем в мире виделось только две (“соревнование двух систем”), а в анекдоте сантехник арестовывается за фразу “тут всю систему менять надо”. А сейчас воспринимается как нацеленный на ниспровержение (капиталистических) основ.

А вот несистемность ШД, ее геттоизированность несомненны. Это свойственно шведской партии, как никакой иной, ей близкой.

Появившаяся на парламентском горизонте в 2006 г. как черт из табакерки партия ШД демонстративно игнорировалась политическим истеблишментом. Она воспринималась как нечто случайное, преходящее, как досадный феномен, лишенный объективного обоснования. Аналогичный партии Новая демократия (НД), тоже популистской и антииммигрантской, тоже игравшей в риксдаге роль кингмейкера в начале 90-х⁸. Подобно этой партии, в ШД увидели политически безнравственных деятелей, заслуживающих морального осуждения. Шведодемократы-парламентарии были признаны в прямом смысле не рукопожатными, и дело доходило до таких курьезов, как, например, отказ коллеги-инопартийца гримироваться рядом с одним из них в телестудии перед дебатами. Шведодемократам адресовались и адресуются до сих пор обвинения в нацистском происхождении и расизме.

С исторической точки зрения для этого есть весомые причины. Созданная в 1988 г., партия чуть ли не единодушно характеризовалась как нацистская и расистская (“бело-националистическая”), риторика ее тогдашних лидеров вполне соответствовала этим определениям. Тем более что воспринималась она на фоне преобладающей в общественном сознании социал-демократической идеологии социальной солидарности поверх государственных границ. В партийной программе ШД 1989 г. особо акцентировалась этническая гомогенность как ведущий фактор общественного благополучия и осуждался как коммунистический лозунг “международной солидарности”, “принятый СДРПШ при Улофе Пальме и открывший страну иммигрантам”. Уже в этих положениях можно усмотреть истоки идеологии и политики национальной автаркии, антиглобализма и неприятия надгосударственности. Жесткость тогдашних позиций ШД особо показательна, к примеру, в предлагавшейся норме: при возвращении на родину эмигранты получают гражданство только через два года [10].

Вместе с тем нужно иметь в виду, что до 80–90-х годов известная боязнь интернационализации была свойственна и рабочему движению страны, прежде всего его профсоюзному крылу, опасавшемуся нивелирования высоких национальных социальных стандартов по среднему западноевропейскому уровню. И в этом — одна из главных (если не главная) причин запоздалого принятия европейской экономической интеграции; Швеция включилась в нее лишь в 1995 г., став членом ЕС. Иными сло-

⁸ На выборах 1991 г. НД получила 6.7% голосов и 25 мандатов, в 1994 г. — лишь 1.4%.

вами, присутствовавшие в массовом менталитете некоторые элементы островной психологии могли быть источником национал-патриотических, точнее — этнопатриотических настроений шведодемократов и могли дать о себе знать позже, активированные инокультурной иммиграцией.

Нынешние ШД значительно менее радикальны, гораздо более политичны и предпочитают смягчать риторику. Партия избавилась от ряда деятелей воинственно националистической ориентации; некоторые ее члены, в том числе депутаты риксдага, ушли сами. (В 2017 г. они образовали партию “Альтернатива для Швеции”, набравшую на выборах 0.3% голосов. Туда перешел в апреле 2018 г., в частности, лидер ШД в 1995–2005 гг. Микаэль Янссон, предшественник нынешнего лидера партии Йимми Окессона⁹.) Думается, что вхождение партии ШД — благодаря электоральным достижениям 2010 и 2014 г. и месту кингмейкера в парламенте — в большую политику, ее включение в политический торг высшего уровня, появление надежд на (пусть и не прямое) участие в принятии государственных решений не могло не умерять крайности ее взглядов и поведения. Символически это выразилось в ребрендинге партии, смене ее логотипа — с горящего факела на сине-желтую маргаритку (цвета шведского флага).

Последняя, принятая в 2011 г. программа ШД отличается от предыдущей общепризнаваемыми положениями и гибкостью формулировок, что как раз и призвано расширить круг сторонников. В ней нет самоидентификации по параметру “правый–левый”: “цель партии — соединение лучших элементов традиционных правой и левой идеологий”.

Общественные процессы по-прежнему рассматриваются главным образом под углом приоритетности национального фактора, что вполне логично для партии, выступающей за жесткие лимиты инокультурной иммиграции. Мультикультурализм отвергается¹⁰. Альтернативой ему провозглашается возврат к ассимиляционной политике, “подобной той, что проводилась в стране до 1975 г.” Суть такой политики усматривается в том, что шведское государство не есть некий культурный вакуум, что культура шведской нации является доминирующей (особые условия создаются только для коренных этноменьшинств). Отсюда — призыв прекратить государственную поддержку инокультур. В то же время свой национализм ШД определяют как “открытый и нерасистский”, уточняя, что “наше на-

⁹ Родился в 1979 г. в семье предпринимателя. В Лундском университете изучал социальные науки, имеет степень *foundation degree*. К ШД присоединился в 1995 г., до этого состоял в молодежной организации Умеренной партии.

¹⁰ Представляется, что обоснование антииммиграционизма ШД теоретически созвучно концепту А.Л. Сафонова и А.Д. Орлова [12, сс. 65, 67 и др.].

циональное сообщество открыто также для людей из иных стран”, что все граждане независимо от этнопринадлежности должны быть равны перед законом и иметь одинаковые права и обязанности.

С национализмом ШД (упоминавшейся островной психологией) логически связаны их антиглобализм и противостояние надгосударственности, зафиксированные в программе [11]. То есть помимо миграционного вопроса налицо еще один важный пункт существенных разногласий между “старыми” партиями и ШД, препятствующих взаимосближению и формированию кабинета министров.

Относясь в целом к правому спектру политического поля и склоняясь скорее к отечественным правоцентристам, чем к социал-демократам, партия Окессона вместе с тем поддерживает принцип государственного вмешательства в социально-экономическую сферу и роста бюджетных ассигнований на социальные цели. (Антииммиграционизм ШД иногда едко, но метко называют *welfare chauvinism*.) Это в немалой степени усиливает неопределенность потенциала вероятностного блокирования/взаимодействия “старых” партий с ШД.

Североевропейский правый популизм в целом и в страновых его особенностях исследован пока относительно мало, но представляется обоснованным – в силу несомненного внутрирегионального сходства факторов его становления и развития – допущение о значительной степени близости его национальных типов. Исходя же из правомерной посылки о социально-политической тождественности обществ Скандинавии и Финляндии, логично поставить вопрос: почему в Швеции отношение политбонда к правым популистам так разительно отлично от такового у соседей? В Дании “братская” ШД Народная партия, набравшая на выборах 2015 г. 21% голосов и располагающая 37 местами из 179 в фолькетинге, хотя и не участвовала в правительстве, уже много лет, как правило, выступает в качестве поддерживающей его партии. В Норвегии Партия прогресса (2017 г. 15.3% голосов, 27 из 169 депутатов в стортинге) с 2013 г. имеет министерские портфели. В Финляндии “Истинные финны” (2015 г. 17.6%, 37 из 200 парламентариев) также представлены в исполнительной власти.

С одной стороны, у ШД не столь “терпимое” происхождение, как у этих трех родственных им партий. С другой – в сопредельных со Швецией странах миграционная политика была и во многом остается значительно менее открытой и менее щедрой, а связанная с ней господствующая политическая мораль – менее “высокой”. Они не претендуют быть “гуманитарной сверхдержавой”, какой Швеция, заявляя себя лидером оказания помощи ищущим защиты и убежища иностранцам, видела

свою роль по крайней мере до окончания европейского беженского кризиса середины 10-х годов.

Таким образом, в Швеции бо́льшая, чем в пограничных государствах, отдаленность друг от друга двух интересующих нас акторов (правых популистов и других партий) детерминирована указанными обстоятельствами. Шведскому политистеблишменту поэтому явно труднее найти общий язык с ШД.

Но, сколь глубокими ни были бы разногласия между системным большинством и несистемными ШД, поиски той или иной формы компромисса между ними, очевидно, становятся императивом. Упования блоковых партий на то, что – подобно упоминавшейся Новой демократии – ШД все же будут “выжиты” из парламента, тщетны: занятая ими проблемная ниша (иммиграция) теперь перманентно обеспечивает воспроизводство запроса на их политику. К тому же наметившийся распад блоковой конструкции политического пространства и связанный с этим вполне вероятный пересмотр сложившегося комплекса межпартийных отношений со временем снимут ранее “коллективно” принятое табу на сотрудничество с ШД.

Настроения в пользу налаживания отношений с ШД уже фиксируются в рядах ведущей партии правоцентристского блока – модератов. Свыше половины из более чем 600 опрошенных после выборов политиков-модератов высказались за то, чтобы их партия шла во власть через переговоры с ШД. “Я не разделяю взгляды коммунистов, но все же могу разговаривать с ними. Это касается и ШД. Однако, согласно нашему “коридору мнений” (господствующему образу мыслей – И.Г.), одобряется диалог только с левыми”, – язвительно заметил по этому поводу бывший лидер модератов Ульф Адельсон [13]. Позитивно отзываясь о лидере ШД экс-глава шведского правительства Карл Бильдт: “Окессон ведет себя относительно хорошо, это надо признать, пусть и против воли ... он пытается дистанцироваться от самого худшего, что вокруг него происходит” [14].

Весьма знаменательно также то, что сближение модератов (и ХДП) с ШД идет на низовом уровне. Яркий пример тому – занятие их представителями благодаря *взаимодействию* в октябре 2018 г. руководящих постов в муниципальном совете Сельвесборга (губерния Блекинге, на юге страны) [15]. Опросы в начале ноября 2018 г. выявили: свыше 4/5 голосовавших за модератов и ХДП приветствовали бы диалог с ШД, 2/3 – переговоры с ними. (Среди сторонников СДРПШ – соответственно 25 и 13% [16], что не так уж и мало.)

Упоминавшаяся социал-демократ Анна-Мария Линдгрэн ставит под сомнение уместность в текущей межпартийной полемике ссылок на бы-

лые взгляды какой-либо партии, имея в виду ШД, и добавляет, что они не интересны большинству избирателей, для которых важна политика сегодняшняя, а не оставшаяся в прошлом. Как примеры она приводит моменты из истории модератов и социал-демократов, которые при желании можно было бы поставить в упрек им сейчас. В то же время Линдгрэн отмечает, что ШД действительно сделали многое, чтобы отойти от изначальных праворадикальных позиций [17].

Безусловно, правые популисты в Швеции отстоят значительно дальше, чем в соседних странах, от других парламентских партий. Но можно то же самое по существу выразить и в обратном порядке: другие парламентские партии отстоят от ШД ... Иными словами, сокращение разрыва между последними и истеблишментом возможно тогда, когда он по крайней мере настроен на это и что-то делает для “одомашнивания”, казалось бы, необыкновенной для Швеции, для ее политической культуры организации. Стратегия бойкота будет лишь консервировать, если не закреплять, внутривнутриполитический раскол, который может стать причиной новых сбоев в работе государственной машины.

И здесь невольно напрашивается аналогия с историей взаимоотношений Лево́й партии с другими партиями, точнее этих других с ней. До сих пор их отношение к ней несвободно от памяти о ее коммунистическом прошлом; в канун выборов 2010 г. включение Лево́й партии тогдашним лидером СДРПШ Моной Салин в состав предполагаемого правительства стало единственной и безуспешной попыткой ее полной инклюзии в политистеблишмент. Но едва ли можно говорить об антисистемности [8] или даже несистемности Лево́й партии. Ее представитель при послевыборном обновлении руководства риксдага избран его вторым вице-спикером, тогда как кандидатура от ШД на этот пост демонстративно отклонена, хотя по существующим неписаным правилам он должен отходить третьей по величине фракции.

Шведский правый популизм уже в немалой степени очистился от наследия неславного прошлого, и его движение к доминирующим ценностям общества вполне возможно. Одно из главных препятствий на этом пути — нынешняя остракистская политика “старых” партий. Она никак не способствует нужному “перевоспитанию” ШД и их интеграции в нормальную политическую жизнь/борьбу (*politics*). Нарочитая маргинализация может породить отчаяние и тяготение к экстремизму.

Данные соображения — не апология “шведодемократизма”, а попытка по возможности нелицеприятно разобраться в этом историческом казусе, и продиктованы они стремлением хоть как-то сбалансировать подходы к одной из самых актуаль-

ных проблем сегодняшней Швеции, острота которой особо четко и болезненно проявилась как раз в связи с выборами 2018 г.

ТРУДНОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ ПАРЛАМЕНТСКИХ КОАЛИЦИЙ, ИЛИ КУДА НИ КИНЬ — ВСЮДУ КЛИН

Электоральный успех ШД и связанные с ним трудности формирования нового правительства осенью 2018 г. прогнозировались заранее. Тем не менее партии истеблишмента не смогли подготовиться к ним. Риксдагу удалось быстро избрать только нового спикера, который определяет кандидата/кандидатов на пост премьер-министра, и отправить в отставку левоцентристский кабинет¹¹ Стефана Лёвена, лидера СДРПШ. Спикером стал модерат. Примечательно — и то, и другое было сделано общими, хотя и не координированными, усилиями “буржуазных” партий и ШД. Далее риксдагу предстояло решить вопрос о новом главе правительства, и пути невольных партнеров разошлись.

Социал-демократы дали знать, что сочтут за лучшее быть в оппозиции, чем играть роль партии поддержки¹². ШД заявили, что поддержат кандидата от правого центра лишь на определенных условиях. Вступать с ними в переговоры, во всяком случае в нескрываемые, никто не хотел¹³. Естественно, это сразу резко сузило публичную вариативность достижения цели. И все равно, учитывая понимание партиями неизбежности выхода за рамки блоков, вариантов построения парламентских коалиций оставалось немало. Но в каждом из них кого-то что-то не устраивало. С точки зрения привычных национальных стандартов, положение рисовалось безвыходным. И не только потому, что обе ведущие партии хотели главенствовать.

Прежняя, двухблоковая, система гарантировала бесппроблемную передачу власти и перспективы оппозиции на возвращение к ней. Теперь, при наличии третьей силы в лице ШД, даже союз между блоками или их побывавшими некогда в правительстве партиями становится потенциально опасным. Если раньше недовольство электората

¹¹ Он оставался как врио.

¹² Такая роль выглядела бы для партии с самой большой фракцией уничижительной. Согласие играть вторую скрипку означало бы для партии резкую потерю репутационного капитала и, вероятно, новую волну снижения электорального рейтинга. Ведь почти 100 лет (с 1920 г.) СДРПШ либо руководила (большой частью) правительством или была единственной в нем, либо возглавляла оппозицию.

¹³ Однако негласная их помощь могла быть предметом обсуждений внутри Альянса (иначе непонятно, на что были потрачены две недели лидером модератов после поручения ему сформировать кабинет).

политикой правительства оборачивалось ростом доверия к системной (иной не было) оппозиции, то ныне¹⁴, в случае межблокового кабинета, “оппозиционным магнитом” голосов выступят ШД и отчасти бывшие коммунисты. С оглядкой на это и приходилось действовать другим шести партиям. Кроме того, и СДРПШ, и модераты подчеркивали, что их коалиция актуальна только в кризисный период.

Конечно, разрубить гордиев узел можно было бы проведением новых выборов. Однако почти все полагали, что такой шаг принципиально не изменит положения, и более того – в выигрыше окажутся ШД и Левая партия.

Ограничителями возможностей компромиссов и коалиционирования выступали не только разность позиций партий по потенциальным его участникам и программам действий, но и внепартийные факторы – реакция тех или иных общественных организаций, мнения которых важны для участников переговоров по формированию правительства. Так, Лёвен в надежде привлечь Партию центра и либералов допускал дерегуляцию защиты занятости, что было в штыки встречено ЦОПШ.

Экстраординарность сложившегося зыбкого положения заключалась не только в беспрецедентной длительности поисков приемлемого для парламентского большинства кабинета, но и в том, что встал вопрос о восполнении лакуны в их нормативно-правовом регулировании с точки зрения временного предела. По конституции, риксдаг может четыре раза голосовать по кандидатурам премьер-министра; если они безуспешны, назначаются новые выборы. Неудачные попытки образовать коалицию в этом случае не засчитываются. Следовательно, сроки выявления будущего главы правительства не оговорены, что диктует необходимость внесения соответствующих поправок в Основной закон. Нештатность ситуации состояла также в том, что необычная продолжительность поиска межпартийного компромисса ставила под угрозу своевременное принятие госбюджета на 2019 г.

Лидер модератов Ульф Кристерссон, первый кандидат в премьеры, рассчитывал создать кабинет меньшинства на базе Альянса при непротивлении ШД, то есть все-таки при их хотя бы пассивном содействии. Партия центра и либералы отвергли это предложение. Они выразили готовность пойти на союз с СДРПШ, не покидая Альянс и видя главой правительства Кристерссона. Получалась бы сверхбольшая коалиция, ибо нужно было бы привлечь и зеленых, партнеров социал-демократов. Но такой расклад, как уже отмечалось, был неприемлем для СДРПШ. Ее лидер стал вторым полити-

ком, попытавшимся составить кабинет. Он исходил из возможности блокирования с Партией центра¹⁵ и либералами, несмотря на их слова о преданности Альянсу. Однако и его, спустя семь недель после выборов, постигла неудача. Лидеры других партий имели еще меньшие шансы на успех.

При таком раскладе становилось ясным, в том числе и автору данной статьи, что решение вопроса может затянуться надолго и выходит за пределы заявленной в ней темы. И главное – с формированием правительства не заканчивается нынешняя дестабилизационная полоса партийно-политического развития. Вероятность того, что после утверждения риксдагом новый кабинет рано или поздно уйдет в отставку из-за разногласий поддержавших его партнеров, достаточно высока. Швеция продолжает терять *особость*, в частности – завидную до сих пор устойчивость партийно-политической конструкции.

* * *

“Линии социальных конфликтов сдвинулись от классовых проблем к этническим и этнокультурным”. Слегка препарированная, эта цитата взята из комментариев к рассматриваемым выборам, опубликованных идейными наследниками шведского ортодоксального коммунизма (с его приматом классовых антагонизмов) – руководством *нынешней* (маргинальной) Коммунистической партии Швеции¹⁶ [18]. В данном случае приведенное положение/тезис, в принципе адекватно отражающее современную реальность становящегося мультикультурным шведского общества, ценно и показательно именно тем, кто его поддержал. То есть даже, казалось бы, непоколебимые адепты *классовой* борьбы, сводившие к ней чуть ли не все общественные противоречия, признают их новую парадигму или по крайней мере ее становление. В свете этой парадигмы феномен “шведодемократизма” получает более основательное истолкование и объяснение.

Шведские выборы 2018 г. продемонстрировали, в частности, как и в какой мере смена указанной парадигмы раскалывает *само* массово принимающее мигрантов общество, о реакции его значительной и растущей части на складывание *параллельно* ему инокультурных социумов. Послевыборный ход политической жизни страны, центральным событием которого стало формирование правительства, показал, сколь проблематично – тем более в сравнении с подобной практикой до середины

¹⁵ Поддерживала левоцентристское правительство в 1995–1998, а в 1952–1958 гг. даже участвовала в кабинете, возглавлявшемся социал-демократами. С появлением в 2004 г. Альянса отдалась от СДРПШ.

¹⁶ Создана в 1977 г. группой лиц, отколовшейся от “базовой” компартии. Доля голосов на выборах 2018 г. – 0.01%.

¹⁴ На момент написания этих строк.

10-х годов, исторически длительной, бестревожной, — обеспечение преемства исполнительной власти, если политический истеблишмент не идет на кардинальный пересмотр принципов коалиционирования, сложившихся при прежней парадигме общественных противоречий.

Парламентско-правительственный тупик, последовавший после выборов 2018 г., стал рецидивом подобного же казуса 2014 г., но оказался куда более болезненным, снять который удалось¹⁷ с

¹⁷ Лишь 18 января 2019 г. риксдаг утвердил согласованную социал-демократами, зелеными, Партией центра, либералами илевой партией кандидатуру С. Лёвена на пост премьера. Включающий представителей двух первых из названных партий, кабинет меньшинства — безусловный заложник антагонизмов между “подпирающими”

гораздо большим трудом и, главное — без хотя бы формальной гарантии (подобной упоминавшемуся Декабрьскому соглашению 2014 г.) стабилизации ситуации на какое-то время. “Решение вопросов миграции и интеграции, а они тесно взаимосвязаны, имеет важнейшее значение, — заявил в начале 2018 г. У. Кристерссон. — Если тут мы потерпим неудачу, нас ждут большие и долговременные проблемы” [19]. Вопрос о неудаче/удаче пока невозможно признать проявившимся, но то, что названные проблемы уже явно начинаются, — несомненно.

его бывшими коммунистами и указанными “буржуазными” партиями. Не говоря уж о противоречиях последних с СДРПШ — принципиальных, хотя и улаженных сегодня через *ситуативный* компромисс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Opinionsundersökningar inför riksdagsvalet i Sverige*. Available at: https://sv.wikipedia.org/wiki/Opinionsunders%C3%B6kningar_inf%C3%B6r_riksdagsvalet_i_Sverige_2018 (accessed 22.09.2018).
2. *Valresultat 2018*. Available at: <https://www.val.se/valresultat/riksdag-landsting-och-kommun/2018/valresultat.html> (accessed 26.09.2018).
3. *Resultat i val till Sveriges riksdag*. Available at: https://sv.wikipedia.org/wiki/Resultat_i_val_till_Sveriges_riksdag (accessed 26.09.2018).
4. Вайнштейн Г. Европейский популизм в конце 2010-х. *Мировая экономика и международные отношения*, 2018, т. 62, № 3, сс. 29-38. [Vainshtein G. Evropeiskii populizm v kontse 2010-kh [European populism in the late 2010's]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2018, vol. 62, no. 3, pp. 29-38.] DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-3-29-38
5. *The Guardian*, 24.09.2010.
6. *Anne-Marie Lindgren: Känslan av att vara förbisedd en orsak att många väljer SD*. Available at: <https://aip.nu/2018/09/19/anne-marie-lindgren-kanslan-av-att-vara-forbisedd-en-orsak-att-manga-valjer-sd/> (accessed 30.09.2018).
7. *Skolval 2018*. Available at: <https://skolval2018.se/> (accessed 27.10.2018).
8. Вайнштейн Г. Трансформация западноевропейского политического ландшафта и институционализация антисистемной политики. *Мировая экономика и международные отношения*, 2018, т. 62, № 5, сс. 17-28. [Vainshtein G. Transformatsiya zapadnoevropeiskogo politicheskogo landshafta i institutsionalizatsiya antisistemnoi politiki [Transformation of the Western European political landscape and institutionalization of anti-system policy]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2018, vol. 62, no. 5, pp. 17-28.] DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-5-17-28
9. *Политика. Толковый словарь*. Москва, Весь мир, 2001. [Policy. Explanatory dictionary. Moscow, Ves' mir, 2001 (In Russ.)] Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/3491/%D0%90%D0%9D%D0%A2%D0%98%D0%A1%D0%98%D0%A1%D0%A2%D0%95%D0%9C%D0%9D%D0%90%D0%AF> (accessed 15.09.2018).
10. *Sverigedemokraterna. Partiprogram 1989*. Available at: <https://motarg.files.wordpress.com/2013/10/fc3b6r-sveriges-bc3a4sta-sds-program-antaget-vid-c3a5rsmc3b6te-10-juli-1989.pdf> (accessed 15.09.2018).
11. *SVERIGEDEMOKRATERNAS PRINCIPPROGRAM 2011*. Available at: https://sd.se/wp-content/uploads/2013/08/principprogrammet2014_webb.pdf (accessed 15.09.2018).
12. Сафонов А.Л., Орлов А.Д. *Этнос и глобализация: этнокультурные механизмы распада современных наций*. Монография. [Safonov A.L., Orlov A.D. *Etnos i globalizatsiya: etnokul'turnye mekhanizmy raspada sovremennykh natsii*. Monografiya [Ethnicity and Globalization: Ethnic and Cultural Mechanisms of the Decay of Modern Nations. Monograph (In Russ.)]] Available at: <https://unotices.com/book.php?id=300844&page=1> (accessed 30.10.2018).
13. *M-politikernas vädjan: Samtala med SD*. Available at: <https://www.di.se/nyheter/m-politikernas-vadjan-samtala-med-sd/> (accessed 16.09.2018).
14. *Карл Бильдт: Окессон ведет себя довольно хорошо*. [Carl Bildt: Åkesson behaves pretty well (In Russ.)] Available at: <https://inosmi.ru/politic/20170214/238722268.html> (accessed 14.06.2018).
15. *SD får ordförändepost i Sölvesborg*. Available at: <https://www.svt.se/nyheter/snabbkollen/s-far-ordforandepost-i-solvesborg> (accessed 24.10.2018).
16. *M- och KD-väljarna vill ha förhandlingar med Sverigedemokraterna*. Available at: <https://www.svt.se/nyheter/inrikes/m-och-kd-valjarna-vill-ha-forhandlingar-med-sverigedemokraterna> (accessed 04.11.2018).
17. *Anne-Marie Lindgren: SD behöver göra upp med sin egen historia*. Available at: <https://aip.nu/2018/08/13/anne-marie-lindgren-sd-behoover-gora-upp-med-sin-egen-historia/> (accessed 16.09.2018).

18. *Den politiska situationen i Sverige efter valet*. Available at: <https://skp.se/2018/09/13/den-politiska-situationen-i-sverige-efter-valet/> (accessed 18.10.2018).
19. *Stor enkät med partiledarna*. Available at: <https://www.metro.se/artikel/stor-enk%C3%A4t-med-partiledarna-h%C3%A4r-%C3%A4r-v%C3%A5ra-1%C3%B6ften-till-dig-inf%C3%B6r-valet> (accessed 18.07.2018).

SWEDEN'S POST-ELECTION IMPASSE

(World Economy and International Relations, 2019, vol. 63, no. 3, pp. 30-39)

Received 06.11.2018.

Igor' V. GRISHIN (i.grishin@inbox.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

The article examines results of the Swedish general election in September 2018, grave consequences of which have affected the ability of the Parliament to form a government and hereby to ensure continuity of exercising of the legislative and executive powers. The main outcome of the election was a relapse of a hung parliament with the anti-immigration Sweden Democrats holding the balance of power, while neither the centre-left nor the centre-right bloc is willing to do a deal with them. Compared to the results of the previous election of 2014, in 2018, the situation was aggravated by strengthening of the Sweden Democrats' position in the riksdag and the establishment of equilibrium between the blocks that made it difficult to resolve the issue of a legitimate contender for the government formation. Although all the parties agree that the time of bloc politics has passed and cross-bloc cooperation is necessary, it has proved extremely complicated to implement this idea. Never before has process of forming the government been so time-consuming. The original cause of the complication is to be sought in sharp rise of culturally different immigration since the beginning of the 21st century. This is the rise that generated the electorate's demands for refusal to unrestricted immigration policy and for a party insisting on a serious restriction of the culturally different immigration. The Sweden Democrats have become such a party. Sweden will now contend with a fractured party-political landscape in which the center-right and center-left coalitions that have defined its politics for decades are deadlocked, and in the absence of the cross-bloc cooperation, the party-kingmaker is in a position to be a decisive force. All of this means that government crises and snap elections unknown to the country for many decades can become a usual thing. Thus, the Swedish election of 2018 has manifested that an accelerated multiculturalisation of a democratic society carries with itself acute political imbalances.

Keywords: Sweden, riksdag, parliamentary coalition building, culturally different immigration, Sweden Democrats, deformation of the party-political system, parliamentary elections, formation of the government.

About author:

Igor' V. GRISHIN, Candidate of Economics, Senior Researcher.

DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-3-30-39